

ЕРЕМЕЙ ПРОВОВИЧ ЧУПРОВ.

Встреча с Еремеем Чупровым — одно из самых глубоких впечатления печорской поездки. Это настоящий самородок, артист в полном смысле этого слова. Совершенно незабываемым является переезд в лодке по Пижме из д. Аврамовской в с. Замезное, когда Еремей, сидя у руля, пел свои былины и песни.

Тогда, в 1929 г., Еремее Чупрову было 39 лет. Это был высокий, худощавый крестьянин—охотник из д. Аврамовской, промышлявший, подобно многим пижемцам, пушным зверем.

Еремей Чупров — правнук Абрама Чупрова — первого поселщика деревни, которая и получила от него свое наименование. В роду Чупровых, как старинщики, славились два брата деда Еремея — Емельян Абрамович и Василий Абрамович, по прозвищу Вася Малый. Последнего застал еще в живых Н. Е. Ончуков в 1901 г., но сказитель был уже очень стар, многое позабыл, и Ончуков записал от него лишь отрывок былины о Василии Игнатьеве (Печорские былины, № 17, о самом сказителе — на стр. 66).

От Васи Малого перенял былины старший брат Еремея Егор, от брата научился и Еремей,

когда ему было около 20 лет. Отец же Еремея былин не пел. Во время промыслов на низовьях Печоры, как рассказывал Еремей, «интересовались старинами». Егора, как знатока, заставляли петь, «а ему одному трудно, ну и мне приказывали подсоблять». По словам Еремея, и тогда, когда мы работали на Печоре, былины еще бытовали на промыслах: «И сейчас на промысловьях, в лесной избушке, между делом, в праздник особенно, старинами, сказками и песнями забавляемся».

Былины в фольклорном репертуаре Еремея Чупрова занимают сравнительно незначительное место. Он перенял от брата только две былины «и то не с краю, а самое необходимое», причем одна из них, «Бутман», по напеву приближается к песне. Кроме того, он вспомнил еще отрывок былины о Чуриле (Фон.—арх. Фольк. ком.) Еремей, вместе со своими двумя братьями Яковом и Климентием,

366

сыном Ларионом, 17 лет, и двоюродным братом Малафеем Ивановичем Чупровым: составляли замечательный певческий коллектив, исполнявший с исключительным мастерством печорские песни. От них записан ряд номеров. Хранятся в Рукописном хранилище Фольклорной комиссии, колл. VI, п. 7, № 1—13 и в

Фонограмм—архиве, фоновалики № 646—656. Песни эти в их исполнении — настоящее высокое искусство.

Артистическая натура Еремея сказалась и на исполнении былин. Он выделяется среди известных мне старинщиков именно своим исключительно артистическим, высоко художественным исполнением.

Былинных напевов у него три. Когда он пел дома, ему всегда подпевал Ларион, как и отец, обладающий прекрасным голосом. Совместное пение былин обоим доставляло большое наслаждение, и они просили меня записать им текст былины о Скопине, которую они слышали в Усть—Цыльме, но не могли сразу «понять». Возможно, что с годами (как это не раз бывало) Еремей станет расширять свое знание былин, и из него выработается настоящий мастер—старинщик.

В 1929 г. Еремей был неграмотным. Он остро ощущал этот недостаток и детям своим стремился дать образование. Семья у Еремея большая. В 1929 г. у него было 6 детей (три мальчика и три девочки) и, кроме них и жены, на его руках были еще старуха мать и припадочная сестра.

ПРО СТАРОГО

Ай да не близко от города не далёко
ж не,

Не далёко от Киева за двенадцать
вёрст,

Там и жили на заставы бугатыре.

Караулили, хранили стольнёй Киев
да град,

5 Не видали не конного, не пешёго,

Не прохожёго ой ни да ле приезжёго.

Да не серой—ёт волк не прорыскиват,

Да не черной медвед не прохаживат.¹

Э да их было двенадцеть всех
богатырей.

10 Да за старшого был Илья Муромечь,

Под им был Самсон да
Колыбановичь,

Ай Добрыня да был у ёго во писарях,

А Олёша жил во конюхах.

Кабы Мишка Торопанишка чашки—
ложки мыл,

15 Чашки—ложки мыл да поварёночки.²

Да вставаёт старой да по ютру рано,

Дай выходит старой да вон на уличю,

---

¹ Вариант: пробегиват.

² Стихи 9 —15 при пении на фонограф были пропущены.

Да берёт де старой подзорную
трубочку.

Да он и смотрит под сторону под
западню —

20 Кабы там да стоят горы ледяныя.

Посмотрел под сторонушку под северну —
Кабы там да стоит морё синее.

Посмотрел под сторону обедничну —
Кабы там стоит да полё чистое,

**25 Ай ведь ездит богатырь забавляетцэ,
368**

Кверху он стрелочку постреливат,
На сыру землю он стрелку не юраниват,
На лету ту стрелочку подхватыват.

На одном—то колене держит чернильницу,
**30 На другом—то колене дёржыт гумажечку,
И пишет богатырь скорограмотку.**

Ай подъеждяёт богатырь к белу шатру,
Подбрасывает грамотку старому казаку.

А и берёт старой эту грамотку,

**35 Да заходит старой во белой шатёр,
Заревел, закричал громким голосом:
«Не время нам спать, пора встовать,
От великого вы сону пробужатися,
От великого хмелю просыпатися!»**

**40 А вот скокали ребята на резви ноги,
Умывались ребята ключевой водой,**

Утирались чистым полотенышком.

Вот и стал читать старый скорограмотку:

«Уж я еду де к вам в стольный Киев град,

45 Греть—шурмовать у вас в стольнем Киеве,

Стара казака к себе в полон возьму,

Молоду его кнегину за себя возьму,

Добрыню Микитичя во писари,

А Олёшу Поповиче во конюхи.

50 Как бы Мишку Торопанина чашки—ложки
мыть,

Чашки—ложки мыть да поварёночки.

Белой я шатёр у вас на дым спущу,

А светые иконы на поплав воды».

Ай вот и стал старой их выпрашивать:

55 «Да кого мы пошлём да во чисто полё,

Во чисто полё пошлём да за богатырем?

А послать нам Мишку Торопанишку,

А у нас Мишка роду торопливого —

Заевид потерят свою буйну голову.

60 А пошлём мы Добрынюшку Микитичя,

Добрыня роду у нас вежливого:

Он умеет с богатырем съехаться,

Он умеет богатырю ведь честь воздать».

Вот и стал тут Добрынюшка срежатисэ.

65 Только видели как Добрыня ны коня вскочил,

369

Только видели Добрыня в стремена ступил,

- Только видят в чистом полё курева стоит,
Курева стоит да дым столбом валит,
У конҰ из роту пламя мечетцэ,
70 У конҰ из ноздрей искры сыплотцэ,
А и хвост трубой да завиваетцэ.
Подъеждяёт Добрыня да ко богатырю,
Заревел тут Добрыня во первой након:
«А и куда ты едѣш, куда путь дѣржыш?»
75 А на ето богатырь не ёслушался.
Заревел—закричал ны второй након:
«Ах ты летиш, ворона пустопѣрая,
А и ты летиш, сорока загумѣнная,
Не воротиш к нам на заставу караульную!»
80 А на ето богатырь поворот даёт.
Налетел тогда богатырь на Добрынюшку».
Сосвистнул он Добрыню со добра коня,
Да и дал ему по ж... два потяпыша,
Да и прибавил ему два алабыша.
85 Посадил его назад на добра конҰ:
«Поеждяй ты, Добрыня, во белой шатѣр,
Да скажи от мене старичку низкой поклон,
Да пускай вами г..... не заменетца,
Самому ему со мной не поправитцэ».
90 Ай видят идѣт Добрыня не по старому,
А и конь—то бежит не по прежнему,
ПовесҰ он дѣржыт буйну голову,
ПотопҰ он дѣржыт да очи ясныя.
Подъеждяёт Добрыня да ко белу шатру,

- 95 Да заходит Добрыня во белой шатёр.
Вот и стал его старой выпрашивать,
А и стал ему Добрынюшка рассказывать:
«Да послал он тебе со мной низкой поклон,
Не велел он г..... заменяться,
- 100 Самому ему со мной не поправитцэ».
А ю старого тут плечҮ да расходилися,
Да и глаза у его да помутились,
Заревел он закрычал громким голосом:
«Вы уздайте—седлайте коня доброго,
- 105 Коня доброго уздайте его со восьми чепей...
370
Не успеете вы, говорит, горшка сварить,
Привезу я таторьску буйну голову».
Вот и стал тут старой тут срежатисе,
Да и стал тут старой надеватисе.
- 110 Надеваёт он латы тут богатырские,
Надеваёт он шляпу на одно ухо,
На правом—то плечи черной ворон,
На левом—то плечи всё орёл сидел.
Ай да не видели старика как на коня скоцел,
- 115 Только видели старой в стременҮ ступил,
Ай да увидели в чистом поли курева стоит,
Курева где стоит да дым столбом валит,
У коня из роту пламя мечитцэ,
У коня из ноздрей да искры сыплютцэ,
- 120 Ах хвост трубой да завиваетцэ.
Полетел старичок во чисто полё.

Подъезжает стырой да к богатырю.

Заревел тут старой да во первой након:

«А куда же ты едѣш, куда путь дѣржыш,

125 Не воротиш к нам на заставу?

Ай неужели нас богатырей ничем зовѣш?»

Ай на ето богатырь не ослушелся.

Заревел тоҥда стырой на второй након;

«Ах ты летиш, ворона да пустопѣрая,

130 Ах ты летиш, сорока загумѣнные!»

А на ето богатырь поворот даѣт.

А не две тут тучи столкнулисѣ,

Два богатыря тут съезжалисѣ.

Задрожала тоҥды мать сыра земля,

135 Они бились—хвосталисѣ целы суточки.

У их палицы до рук до обломалисѣ,

Они бросили тот бой о сыру землю,

Схватали копеица оны булатныя,

Они тыкались—дрались вторы суточки,

140 А копеиця у их да изломалисѣ.

Они бросили тот бой о сыру землю,

Да скочили тоҥды со добрых коней,

Да схватилисѣ ёни во охабочку.

Они бились—боролись да третьи суточки,

145 А похвальнѣе слово старого спутало,

371

Одна—то нога—то подкатнуласѣ,

А другая нога—то подломиласѣ,

Вот упал тоҥды старой на сыру землю.

Заскочил ему тогда богатырь на белы груди,
Он розорвал ведь латы богатырский,
Да и вытащил чинжалищю булатноё,
Замахнулса ему да во белы груди.

Ай да взмолилсэ старой да богородицы:

«Пресветая ты мати да богородиця,

155 Почему ты меня да это выдала

Черным воронам да на расклёваньё,

А лютым зверѸм на растёръзаньё?

А стоял я за веру за христовую,

А молилсэ всегда да боһородицы».

160 А не ветру полоска тут махнула,

Вдвое—второе у старого силы прибыло.

Сосвиснул он богатыря со белых грудей,

Заскочил он ему на белы груди.

Он розорвал латы да богатырьския,

165 Да и вытащил чинжалешю булатноё,

Замахнулсэ ему да во белы груди,

В плече его рука да застояласэ.

Вот и стал его старой тогда спрашивать:

«Да какого ты роду, какого племене,

170 Но как же тебя зовут по емени?»

— «А когда был я у тебя на белых грудѸх,

Я не спрашивал ни роду ни племене».

Замахнулсэ старой на второй након —

В локтю рука да застоялосэ.

175 Вот и стал его старой выпрашивать:

«Да какого же ты роду какой племене,

Но как же тебя зовут по емене?»

— «А когда был я у тебя на белых грудѣх,
Я не спрашивал у тя ни роду ни племене».

180 Замахнулсэ старой на третей након,
В заветье рука да застоялосэ.

Вот и стал его старик выспрашивать:

«Да какого роду какой племене,
Но как же тебя зовут по емене?»

185 — «Ай я еду из—за моря богатырь же,
362

А мне не много веку, только двенадцеть лет.

У мня мати богатыриця полениця уже,

А отец мой он прохожой молодець».

Тогда скочил старой со белых грудей и поставил его на резвы ноги и поцеловал его дважды: «И ты будешь мене сынок, и я тебе буду татенька. Поедем со мной во белой шатёр». А он сказал ему: «Не еду я с тобой во белой шатёр. Поеду назад за синё морё. За синё море поеду, — говорит, — к ронной матушке. И приедем мы обои с матерью». Распростелись и приеждяет к ронной матери, встретила его родима матушка: «Где же ты, дитятко, побыл, чего же ты, дитятко, повидал?» — «Был я в стольнем Киеве и видел там базыкову коровушку, и она зовет тебя б..... а меня выб.....». Вытащил чинжалищо и шарнул матери в груди. И завернул коня и поехал опять в

стольный Киѳв град. Подъезжает ко белу шатру.
Соскочил со добра коня и забежал во белой
шатѳр. А старой со великого устатку спит
богатырским сном, не слышит. Вытащил он
чинжалищю булатноѳ и шарнул старому во белы
груди. Погодился у старого на груди старинный
чуден крест. Угадал он в этот самый крест.
Соскочил тогда старой на резвы ноги, схватил
Сокольника за белы кудри, хвоснул его о
дубовый пол, на одну руку наступил, другу
оторвал, наступил на одну ногу, другу оторвал и
выбросил его на улицу и опять лёг спать.

Тут конец пожалуй.

58

ПРО БЕЛОГО

Как про белого сказать царя, сказать про
бенного,

Про юдалого сказать да добра молодца.

Ах да ты хой еси, ой юдалой доброй молодец,

Ах ты часто ходиш на царев кабак.

5 Он ведь помногу де пьѳт да зелены вина,

Он и не рюмками пьѳт да не стокаными,

Ён откатывают бочки да сороковочкѳ.

Во хмелю—то сам детянкѳ не сурядливой,

Ез речей—то детинка вышибаетцѳ,

10 Он ведь силушкою он да выхвалаитцѳ:

«Уж как силушкою—то я буду царя сильней,

Уж как сметочькою—то буду я его
посметливе.

373

Погодились у царя люди придворныя,
Придворные были люди губернаторы,
15 Вот и пошли они скоро царю
доложиле.

Вот призвал тогда царь да слугов
верьных,

Слугов верных позвал да
неизменных

Вот и сковать—связать доброго
молодца:

«Идите вы сходите на царев кабак,

20 Завезите вы поймайте горьку
пьяницу,

Приведите его на допрос ко мне!»

Вот пошли тогда тотара
толстобрюхия,

Увидали там Бутмана добра молодца:

«Ах ты ой еси, Бутман да добрый
молодец!

25 Пойдём с нами к самому царю,

Звал тебя царь—ка на почестен пир».

Вот пошел тогда Бутман на лицо к
царю,

Вот е стал его ведь царь тогды
выспрашивать:

«Ах ты часто ходиш ли ты на царев
кабак,¹

30 Ах и много ли ты много пьёш зелена
вина,

Из речей ето, Бутман, вышибаешсе,²
Эх и силушкою своей да
похвалаешсе,
Батто силушкою да ты мене смелей,
Батто сметочкою ты мене
посметливей?»

35 — «Ах ты ой еси, наш солнышко
Вылодимер князь!

А когда была война у те со турками,
Тогда хто тебя от смерти
повыручел?»

— «Уж я дам тебе все города со
пригородками,
Я отдам тебе все корабли да всё со
шлюпками,

40 А ты будёш царём, я и слугой твоей».

— «Мне не надо города со
пригородками,
И не надо коробли твои со
шлюпками,

---

¹ Вариант при словесной передаче:

Почему же ты, дурачонок, ходишь на царев кабак?

² Вариант:

Из речей, дурачонок, вышибаешсе.

**Лучше мне дай вина пить
безденёжно».**

374